

КОСТЕЦКИЙ Николай Данилович

Николай Данилович Костецкий — талантливый садовод, агроном, преподаватель и теоретик сельского хозяйства. Последние десять лет жизни (1938–1948) он работал в Никитском Ботаническом саду и за это время успел реорганизовать работу отдела декоративного садоводства, где основной культурой стали розы. Николай Данилович не только создал более 30 новых сортов, но впервые за всю историю Никитского сада написал несколько научных работ по культуре роз, основываясь на отечественном и зарубежном опыте. Он жил и работал во Франции, Аргентине, Италии, в Средней Азии и на Кавказе, дружил с Н. И. Вавиловым, участвовал в революционном движении, дважды был арестован при царизме и один раз при социализме, опубликовал свыше 15 работ по агрономии и педагогике в сфере сельского хозяйства.

Николай Данилович Костецкий родился 28 декабря 1873 г. в крестьянской семье в местечке Збриж Каменецкого уезда Подольской губернии (ныне Хмельницкая обл.). Окончил начальную трехлетнюю школу, называемую «народным училищем». Кроме работы на земле в Збриже для простых людей никаких перспектив не было, поэтому в 1887 г. отец отправляет Николая на учебу в Каменец-Подольское городское двухклассное училище на отделение земледелия, где он проучился до 1889 г. Это и определило всю дальнейшую судьбу Н. Д. Костецкого. До 17 лет он работал в хозяйстве отца. В 1889 г. по окончании училища Николай возвращается в родительский дом, но по совету отца уже на следующий год поступает в Уманское училище земледелия и садоводства, где он проучился шесть лет. Уманское училище в то время было Главным училищем садоводства России, основанное в 1859 г. на базе знаменитого ландшафтного парка «Софиевка». Сам парк заложен в 1796 г. владельцем города Умани, польским магнатом Станиславом Потоцким, назван в честь его жены Софии и в 1802 г. подарен ей ко дню именин. Парк и по сей день одно из лучших произведений садово-паркового искусства, выдающееся по красоте, мастерству планировки и техническому совершенству. В 1831 г. парк был переименован в Царицын сад. Собственно, именно здесь, в Умани, и состоялся Николай Данилович как садовод и ученый-агроном. На должность главного садовника Царицына сада в училище в 1885 г. был назначен выпускник Петербургского университета Василий Васильевич Пашкевич, который одновременно преподавал в училище ботанику и специальные курсы по садоводству

и цветоводству. В. В. Пашкевич зарекомендовал себя большим знатоком садоводства и считался одним из самых уважаемых преподавателей училища. Он оказал огромное влияние на молодого Костецкого. Под руководством учителя Николай Данилович вместе с другими студентами участвовал в посадках Английского парка, изучал ассортимент растений, постигал садовую науку. Василий Васильевич подвигнул Николая заняться преподаванием.

Костецкий, окончив в 1896 г. училище с дипломом ученого агронома и садовода, решает поступать вольнослушателем в Рижский Политехнический институт, только что преобразованный из техникума, на агрономическое отделение. Едва оказавшись в среде студентов, он тут же окунулся в революционное движение. В апреле 1898 г. за участие в запрещенных обществах он был отчислен со второго курса института. Необходимо было уехать подальше от слежки полиции. Из газеты Костецкий узнает, что в Черниговской губернии, в местечке Борзна, открывается школа садоводства и огородничества, куда требуются преподаватели. Не мешкая, Николай Данилович собирается в дорогу.

В октябре 1898 г. его зачисляют в штат преподавателей. Каждый преподаватель вел по 2–3 предмета. Костецкий преподавал земледелие, плодоводство и цветоводство. При школе была теплица, где выращивались пальмы, розы, олеандры и другие теплолюбивые растения. Поскольку школа существовала на принципах самоокупаемости, в хозяйстве выращивалось лишь то, что давало прибыль: плодовые и фруктовые деревья, ягодные кустарники, декоративные растения (реализовывались помещикам для их усадеб). Руководя практическими занятиями, Николай Данилович приобрел солидный опыт в работе с учениками. Именно благодаря его личным усилиям школа из второразрядного убыточного учебного заведения буквально за два года превратилась в рентабельное учебно-опытное хозяйство.

Узнав, что в Москве будет проходить Всероссийский съезд по сельскохозяйственному образованию, Костецкий пишет доклад, в котором на примере Борзнянской школы садоводства описывает первые успехи нового подхода к делу. В декабре 1900 г. Николай Данилович отправляется в Москву. На съезде было представлено 16 докладов, касающихся организации школьных хозяйств в учебном и хозяйственном отношениях, а также вопросов воспитания учащихся. Хотя в выступлениях

открыто не звучала тема усиливающихся по всей России революционных настроений, каждый доклад обсуждался в контексте этих событий. Обширная география участников съезда позволила молодому преподавателю не только оценить масштабы происходящих в последнее время в России событий, но и познакомиться со многими опытными педагогами.

Вернувшись домой и по-новому взглянув на беспросветную провинциальную жизнь в Борзне, Костецкий решает, что как только представится случай, он во что бы то ни стало вырвется отсюда. Когда в Борзне появились первые марксистские кружки, многие преподаватели школы, в том числе и Костецкий, становятся их активными членами. Но тут появился шанс переехать в город. И в марте 1902 г. он переезжает в Симбирск (ныне Ульяновск), на новое место службы в должности губернского инструктора по садоводству и огородничеству при Министерстве земледелия и государственных имуществ. В Симбирске Костецкий познакомился с интересными людьми. Разъездная работа давала возможность для пропагандистской деятельности, чем он и пользовался, но ни в одну из политических партий он так и не вступил. Однако в Симбирске Николай Данилович пробыл недолго, всего семь месяцев.

С 1 октября он перебрался в Харьков, где ему предложили такую же должность — губернского инспектора по садоводству и огородничеству. Харьков в отношении садоводства был гораздо интереснее, чем Симбирск. В Харьковской губернии климат был намного мягче, почвы богаче, что позволяло говорить об этом регионе Южной России как наиболее перспективном для садоводства. С 1899 по 1903 г. в Харькове издавался журнал «Промышленное садоводство и огородничество» под редакцией Н. И. Кичунова. Костецкий и Кичунов были коллегами по организации сельскохозяйственного обучения. К сожалению, в конце 1903 г. Кичунов перебрался в Санкт-Петербург, но и этого короткого общения хватило Костецкому на многие годы вперед. Кичунов как раз в эти годы, после многочисленных опытов с огородными и плодовыми культурами, увлекся разведением роз в России. И этот человек оказал значительное влияние на будущие эксперименты Костецкого с розами в Крыму.

В 1904 г. Николай Данилович женился на учительнице дворянского происхождения Александре Николаевне (в девичестве Тычиной), разделявшей его революционные убеждения. Через год, в 1905, у них родился сын Владимир. Впоследствии Владимир Николаевич Костецкий (1905–1968) стал известным советским живописцем, членом-корреспондентом Академии художеств СССР. Он всю жизнь скрывал подлинную дату рождения и связи с отцом из-за революционной деятельности Николая Даниловича.

Наступил 1905 г. Харьков, с его огромным числом пролетариев и студентов, одним из первых включился в общенациональные революционные события. В марте 1905 г. Николай Данилович был арестован по обвинению в революционной деятельности и посажен в харьковскую тюрьму, где пробыл до сентября. Выйдя из тюрьмы, он узнает, что с работы его уволили как неблагонадежного. Костецкий уезжает в Курск, на-

деясь получить какое-нибудь место. В конце 1905 г. он устраивается статистиком Курской губернской земской управы, но через полтора месяца уезжает в Полтавскую губернию, где ему предложили место преподавателя садоводства и огородничества в сельскохозяйственной школе 1-го разряда. Школа находилась в селе Андреевка Кобелянского уезда Полтавской губернии.

В январе 1906 г. Костецкий снова арестован. Пройдя этапы Полтавской и Курской тюрем, был отправлен в ссылку — в Волчанский уезд Харьковской губернии, где в декабре 1906 г. поступает на должность помощника уездного агронома. Николай Данилович подумывает об эмиграции; жить в такой стране человек свободолюбивый и мыслящий не мог, а быть орудием в руках самодержавия Костецкий не желал. В марте 1907 г. уволен со службы земства и перешел на нелегальное положение. С этого времени и до октября 1907 г. занимался революционной работой в Черниговской губернии, где был арестован и заключен в тюрьму на два месяца.

В ноябре 1907 г. Костецкий отбыл за границу как политический эмигрант. Жил в Швейцарии (г. Лозанна), а затем в Италии. Преподаватель садоводства и огородничества в сельскохозяйственных школах Украины, конечно, не сумел найти работу по специальности и работал поденным по садам. В конце концов, видя безрезультатность действий своих товарищей-эсеров, а заодно чувствуя, что теряет квалификацию ученого агронома, Николай Данилович пытается найти выход из создавшегося положения. Вскоре приходит известие, что в далекой Аргентине, где также обосновались русские колонисты, требуется специалист по сельскому хозяйству для обучения эмигрантов принципам земледелия. Он принимает решение ехать в Аргентину и в октябре 1908 г. прибывает на пароходе к берегам Южной Америки.

Аргентинская земля встретила эмигрантов неласково: огромные незаселенные пространства, необозримая дикая пампа, чужой язык и чужие обычаи, отсутствие жилья и элементарных удобств. Колонисты распределялись по хуторам, образованным по принципу «русской деревни». Прежде чем допустить переселенцев к вступлению в сельскохозяйственный кооператив, было решено, что все вновь прибывшие должны пройти обучение азам сельского хозяйства в специально созданном тренировочном лагере. Здесь людей обучали работе с плугом и другими техническими орудиями, правилам бурения скважин для добычи воды, местным особенностям землепользования и климата, севообороту, борьбе с вредителями посевов, знакомили с наиболее пригодными для выращивания культурами и т. д. Лишь после этого эмигранты получали землю для работы. Николай Данилович Костецкий, едва прибыв в колонию, сразу же начал преподавать сельскохозяйственную практику в тренировочном лагере. А так как таких лагерей было много, а «русских деревень» еще больше, то Костецкому приходилось в день проходить пешком до 20 верст, чтобы везде поспеть. Лошадей поначалу почти не было, а волы местной породы годились только для пахоты. Позднее появились первые тракторы и механизированные молотилки,

на которых опять же нужно было учиться работать. С 1909 г. (по 1918 г.) состоял в партии социалистов-революционеров. За пять лет, проведенных в Аргентине, Николай Данилович в совершенстве овладел испанским и польским языками, немного говорил на идише. Жил он, как и все, в небольшом домишке, построенном собственными руками из глиняных кирпичей и крытом соломой. Последний год пребывания в Южной Америке (с февраля 1912 по июнь 1913 г.) Николай Данилович был избран секретарем Конфедерации земледельческих кооперативов в Аргентине.

В это время он получает письмо из Франции от Себастьяна Фора с предложением занять место преподавателя садоводства в его школе-коммуне «La Rûche» («Улей»), которую он организовал в местечке Рамбуйе под Парижем. Костецкий садится на пароход, идущий в Марсель, и 15 августа он уже появляется в Рамбуйе, где становится преподавателем садоводства и огородничества. И директор школы, и сама школа были явлениями уникальными: все участники новой школы — равноправные сотрудники коммуны, независимо от возраста и опыта. Николай Данилович обучал детей (да и взрослых тоже) всему, что сам умел и знал. Поскольку «Улей» имел немалое подсобное хозяйство, то и работы было невпроворот. Декоративный сад, огород, плодовый сад, теплица — все это требовало заботы и участия. Опыт преподавания в этой школе в будущем позволил Костецкому стать одним из передовых учителей в период восстановления сельского хозяйства молодой Советской России. Николай Данилович пробыл в школе Себастьяна Фора недолго, всего несколько месяцев. Ему представился случай перейти в аналогичную школу, но только русскую — с русскими учениками и русскими преподавателями. Костецкий выбрал работу с соотечественниками. Первого декабря 1913 г. он переезжает в местечко Фонтене-о-Роз близ Парижа. Став преподавателем садоводства и ручного труда, работает здесь до 1 октября 1914 г.

Первого августа в связи с началом войны во Франции была объявлена мобилизация. Поначалу казалось, что русских эмигрантов мобилизация не коснется. В конце сентября правительством Франции было принято решение направить на франко-немецкий фронт многочисленные артели гражданских землекопов для рытья оборонительных сооружений. Под этот указ попал и Н. Д. Костецкий. Первого октября он в числе других отправился землекопом на рытье траншей на французском фронте. Ровно через год, 1 октября 1915 г. строительный батальон, в котором числился Костецкий, был расформирован и заменен другим батальоном, и Николай Данилович был свободен. После таких перегрузок требовался отдых, и русский эмигрант подался на юг Франции, в Ниццу, где в октябре еще можно было погреться. В Ницце он узнает, что в имении «Val Roses», принадлежащем русскому барону фон Дервизу, нужен главный садовник. Это был настоящий дворец с огромным ботаническим садом: каждое дерево снабжено табличкой, у каждого куста — бирка. Костецкий занимает должность заведующего насаждениями. Десять месяцев агроном пробыл в этом раю и приобрел бесценный опыт ра-

боты с тропическими и субтропическими культурами. Снова предстояла работа с розами. Николай не раз с благодарностью вспоминал свое знакомство с Кичуновым, когда изучал опыт разведения роз на Украине. Теперь эти знания пришлось применять на практике, но с той разницей, что все французские сорта, которые с таким трудом приживались под Харьковом, здесь были у себя дома, и за ними не требовалось много ухода: розы буйно цвели чуть ли не круглый год. Полтора года интересной работы дали Николаю Даниловичу в профессиональном отношении, пожалуй, больше, чем все предыдущие должности.

Война в конце концов докатилась и до Ниццы. Трудно сказать, что заставило Костецкого оставить должность главного садовника имения: время было беспокойное, и причин могло быть множество. Как бы то ни было, 1 августа 1916 года Николай Данилович оказывается в списке поденных рабочих на лесных разработках в Приморских Альпах на юге Франции. Почти год работает Костецкий Н. Д. в Альпах. Пробыв в эмиграции около 10 лет, летом 1917 г. он возвращается в Россию.

Приехав в родной Збриж, Николай видит безрадостную картину. Родительский дом, как и почти все строения в городе, был разрушен. Мужчины-крестьяне были на фронте, женщины перебрались с детьми в ближайшие деревни, поселившись у родственников. Земля заброшена, поросла бурьяном. На Украине брожения, голод, разруха. Найдя отца и погостив у него несколько дней, Николай Данилович отправился в Чернигов на поиски работы. В августе 1917 г. Н. Д. Костецкий получает место представителя Министра Земледелия в Черниговской губернии. В январе 1918 г. выбран председателем Черниговского Губернского земельного комитета. Проводил социализацию земли в уездах и волостях, агитировал за передачу земли крестьянам, иногда и практически участвовал в разделе земли. За это в мае этого же года был арестован гетманской властью и сидел в тюрьме до сентября.

В январе 1919 г. Н. Д. Костецкий был назначен заведующим отделом сельского хозяйства, а в марте его направили заведовать отделом садоводства и огородничества сельскохозяйственной Опытной станции в селе Носовка Нежинского уезда. Николай Данилович терпеть не мог канцелярскую работу, и живое дело в деревне было для него важнее личного кабинета в Чернигове. Он провел обследование садоводства и огородничества в Нежинском уезде и организовал первую сеть сельскохозяйственных кружков молодежи. Работы для нового заведующего отделом было много, но необыкновенный подъем охватил всех сотрудников станции. Николай Данилович в первую очередь занялся традиционной для Нежинского уезда культурой — огурцами, а также оценкой состояния плодородства. Посевы и эксперименты по скрещиванию разных сортов огурцов дали неплохие результаты в первое же лето. Однако требовалось проверять и перепроверять новые сорта, а уж о промышленном выращивании можно было говорить только через несколько лет. Четыре года плодотворной работы Костецкого не прошли даром: к концу 1920-х гг. Носовская станция стала одним из главных поставщиков семян

этой культуры по всей России. В 1920–1922 гг. он организует кружки сельскохозяйственной молодежи в Нежинском уезде, становится их руководителем. Обладая огромным опытом работы, Костецкий мог увлечь своими рассказами любого слушателя. По сути дела, Николай Данилович вернулся к своему любимому и привычному занятию — преподавательской работе, только построенной на новых формах обучения. Таковыми он считал кружки и клубы. При станциях создавали специальные отделы для практической работы: отделы применения. Первый такой отдел возник при Харьковской областной опытной станции еще в 1912 г. Вот туда-то в феврале 1923 г. и направили Костецкого. В задачи Николая Даниловича входило распространять «среди населения практические приемы и рекомендации, разрабатываемые опытными станциями». Костецкий без устали колесит по Харьковской области, читает лекции, встречается с крестьянами, рассказывает, показывает, обучает.

В августе 1923 г. в Москве открывается Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка — первая такого масштаба, проведенная в России. Выставка стала предшественницей ВДНХ (ныне ВВЦ). Костецкий оформляет отпуск (а в отпуске, судя по трудовой книжке, он не был с февраля 1919 г.) и едет в Москву. Там он познакомился с Николаем Ивановичем Вавиловым, который впоследствии сыграл решающую роль в дальнейшей судьбе агронома. Возможно, успехи Костецкого в области сельскохозяйственного преподавания, а может, его огромный зарубежный опыт, впечатлили Вавилова, и тот предлагает Николаю Даниловичу занять место заведующего субтропическим отделением прикладной ботаники новых культур. Это отделение только создавалось и находилось оно в поселке Мысово под Москвой. Вернувшись с Московской выставки в Харьков, он тут же подает заявление о переводе на новое место работы и 17 октября прибывает в Мысово, где и должен был разместиться отдел субтропических культур. Мысово — это бывшая усадьба А. Г. Кузнецова, владельца знаменитого фарфорового завода. Находилась она на высоком берегу Клязьминского водохранилища. Работал Костецкий на Мысовской опытной станции с южными плодовыми культурами: абрикос, персик, черешня, виноград. В 1924 г. Николай Данилович организовал сеть сельскохозяйственных кружков, читал ряд лекций на садово-огородном отделении Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Являлся членом сельскохозяйственной секции Института методов школьной работы в 1924–1925 гг.

Осенью 1925 г. Костецкого положили в больницу и удалили почку. Для восстановления здоровья после операции требовалось диетическое питание и теплый климат. Н. И. Вавилов переводит Николая Даниловича в Сухумское субтропическое отделение Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур, которое размещалось на бывшей даче богатого землевладельца и включало в себя, помимо дендрологического парка дачи, Сухумский ботанический сад, основанный еще в середине XIX века. С ноября 1925 г. Н. Д. Костецкий занимает должность Заведующего Сухум-

ским отделением ВИПБиНК. В задачи Николая Даниловича входило не только налаживание опытной работы, но реорганизация всего хозяйства с учетом требований Н. И. Вавилова. Нужно было подчинить биологическую науку на юге страны делу социалистического строительства. Отсюда вытекали и все направления деятельности отделения. «Русская Ривьера», как тогда называли Сухум, напомнил Костецкому работу в Ницце, в имении барона фон Дервиза: те же экзотические растения, то же буйство красок и запахов, но теперь еще и широкие возможности для опытов. Николай Данилович с удовольствием принялся за работу.

В это время здесь уже существовало около 45 тысяч образцов растений, представленных 196 семействами, 473 родами и более 57 тысячами видов, которые за 80 лет до создания отдела субтропиков были завезены со всех континентов земного шара. При Костецком активизировалась работа по исследованию местных насаждений цитрусовых и по интродукции их лучших сортов из разных стран мира в порядке обмена. За 1927–1931 гг. коллекция Сухумского отделения ВИР пополнилась 260 образцами местной флоры, собранными на Черноморском побережье Кавказа и в Ленкорани, и 490 сортами цитрусовых, выведенных путем селекции. Немалая заслуга в увеличении коллекции принадлежит Костецкому: несколько раз он руководил экспедициями по обследованию диких родичей плодовых растений Кавказа.

Еженедельные циркуляры из Москвы требовали от директора в первую очередь «накормить» советский народ, и для выполнения этой задачи трудились талантливые агрономы и ученые. Несмотря на грозные постановления и приказы, особое внимание Николай Данилович уделял цветоводству и декоративному садоводству, которые, по его мнению, являлись самым перспективным направлением в южном растениеводстве. Здесь впервые стала проводиться работа по селекции гладиолусов, проводились работы по селекции сирени и рами (конопли для производства тканей). Также вместе с профессором Д. Д. Арцыбашевым были начаты работы с акациями, и в 1927 г. коллекция насчитывала 62 образца 40 видов.

В написании и публикации статей Костецкого тоже «виноват» Вавилов: он требовал от сотрудников подытоживать свои работы, составлять монографические описания культур, с которыми они работают, прежде чем двигаться дальше. Н. И. Вавилов дважды в год посещал Сухуми и интересовался ходом работы. Субтропическое отделение было одной из многих опытных площадок, разбросанных по всему Советскому Союзу, где отрабатывались научные гипотезы Вавилова. В частности, и в отношении географических посевов. Выявляемая здесь географическая изменчивость могла обнаружить скрытые возможности видов и сортов.

Наступил 1931 г. Начатая в 1929 г. «чистка Академии наук», уже в 1930 приобрела массовый размах: арестовано почти 150 человек. Двадцать пятого апреля 1931 г. Костецкого арестовали. Ему припомнили все: и жизнь за границей, и участие в русской колонии эсеров. Н. И. Вавилов приложил множество усилий для спасения своих коллег, он писал письма в их

защиту. Удивительно то, что письма Вавилова возымели действие — Костецкого и его коллег выпустили! В камере Николай Данилович провел ровно год. После освобождения Вавилов пришел на выручку: предложил место заведомом дендрологии Закавказского отделения ВАСХНИЛ — теперь в Тбилиси. Но и это место оказалось ненадежным — через два месяца (1 июля 1932 г.) Костецкий опять попадает в тюрьму. И снова Вавилов вытаскивает его из заключения и отправляет еще дальше на юг — в Азербайджан, где Н. Д. Костецкий занимает должность «завсектора дендрологии» в Восточно-Закавказском отделении ВИР, в поселке Мардакян на Апшеронском полуострове.

Мардакянский дендрарий и сегодня один из живописнейших уголков полуострова. В нем собрано большое количество субтропических древесных, кустарниковых, цветочных, эфиромасличных и других растений из местной и иноземной флоры. Менее чем за полтора года при Костецком количество декоративных древесных и кустарниковых культур достигло 400 видов, субтропических плодовых — 868 сортов (гранат, инжир, унаби, маслина, фисташка и другие). Дендрарий, занимающий площадь 12 гектаров, расположен в северо-восточной части Апшеронского полуострова, в 4,5 км от берега Каспийского моря, расстояние от Баку — 40 км. Мардакянское отделение ВИР задумывалось Н. И. Вавиловым, с одной стороны, как испытательный полигон для растений сухих субтропиков, с другой — как научный центр озеленения полупустынных районов Азербайджана. В Азербайджане Костецкий продолжает писать научные статьи.

В Ленинграде тем временем слушается громкое «дело контрреволюционной эсеровско-народнической ячейки в ВИР». С 7 марта начались аресты. Тогда Н. И. Вавилов решает сохранить те кадры, которые еще можно спасти. В конце 1933 г. Костецкого переводят в Ташкент, и с 1 января 1934 г. он приступает к работе во Всесоюзном институте сухих субтропиков в должности заместителя директора по научной части. Почти четыре года проведет Николай Данилович в Средней Азии, и все эти годы будет ожидать, что за ним придут. Но его сия чаша миновала, а вот его любимый учитель, Николай Иванович Вавилов, этой участи не избежал.

В Средней Азии 1930-е гг. — это время расцвета сельскохозяйственной науки и практики, период строительства общественных садов и парков, открытия институтов и техникумов, период взлета селекционной науки. Трудно даже перечислить, как много было создано в эти годы. Всесоюзный институт сухих субтропиков подчинялся Главному управлению субтропических культур Наркомата земледелия СССР и включал в себя несколько опытных станций — в Сталинабаде (Таджикистан), в Кизыл-Атреке (Туркмения), в Денау (Узбекистан) и на Вахше (Ворошилобад, Таджикистан). Таким образом, работа у Николая Даниловича была по большей части разъездная. Во время работы в Средней Азии ученым были разработаны методы окультуривания грецкого ореха в южной Киргизии; выделены и внедрены в производство крупноплодные фисташки (Кушкинский район Туркмении); изучены возможности интродукции лучших сортов маслины, инжира,

граната, миндаля, сахарного тростника, финиковой пальмы, цитрусовых, кипарисов, эвкалиптов и прочего в южной зоне Средней Азии. Кроме того, он не забыл и свою любимую преподавательскую деятельность: в 1936–1937 гг. провел курс по теории и практике интродукции растений на Естественнонаучном факультете Среднеазиатского университета, в 1937 г. читал лекции по культурам сухих субтропиков в Туркменском сельскохозяйственном техникуме (в Киши).

В 1938 г. Н. Д. Костецкий покинул Среднюю Азию и через полгода поступил на работу в Никитский ботанический сад, где прежде работал его учитель В. В. Пашкевич. Николай Данилович приступает к работе в должности заведующего отделом декоративного садоводства. Поселили его в домике прямо на территории Сада, этот домик сохранился до сегодняшних дней (находится у розария). Чуть позже приехала и жена Костецкого. Раиса Тимофеевна Костецкая (Плаксицкая) была второй женой Николая Даниловича. Она окончила Бестужевские курсы, была сельской учительницей, занималась ликвидацией неграмотности. Детей у них не было.

Конец 1930-х гг. был ознаменован массовой кампанией «зеленого строительства» в Крыму, контроль за которой осуществляли партийные органы. В задачи Никитского сада входило превратить в цветущий сад каждый уголок Крыма — от побережья до степных районов. Ежеквартально все озеленительные организации отчитывались перед местными комитетами партии о количестве высаженных растений, о передаче саженцев в организации, об ассортименте цветущих насаждений. Естественно, в такой обстановке на отдел декоративного садоводства ложилась самая ответственная задача. Костецкий начал с изучения архива и библиотеки. В свои выходные дни Николай Данилович ездил осматривать сады и парки бывших дворянских имений, принадлежащих теперь советским санаториям и профилакториям. Но главной культурой, о которой более других заботился Костецкий, стали розы. Изучив историю Никитского сада, он обнаружил, что инвентаризацию роз не делали с 1912 г., а коллекция не пополнялась с 1913. Этикетки перепутаны, многие сорта невозможно идентифицировать. Сотрудники отдела не владеют иностранными языками, а потому и передовых технологий работы с розами и системы их оценки, несмотря на обилие иностранной литературы в библиотеке, не знают. Фенологические наблюдения также не проводились. Очень сокрушался Костецкий по поводу отсутствия в Никитском саду должности художника-акварелиста для красочных зарисовок роз, ведь цветной фотографии тогда еще не было. Самое печальное, что развитие розоводства даже не включалось в планы сада.

Вместе с тем спрос на розы Никитского сада был огромный. Заказы поступали чуть ли не каждый день. Для «зеленого строительства» розы — очень эффектная и экономичная культура (в сравнении, например, с цветущими однолетниками или луковичными), которая не требует значительных затрат на уход. Наконец, вся история развития садоводства и паркостроения на Южном берегу Крыма за полтора столетия доказывала, что среди декоративных кустарников розы

всегда были и будут самыми востребованными. В воспоминаниях отдыхающих и туристов Крым всегда ассоциируется в первую очередь с обилием цветущих роз и благоуханным ароматом крымских парков. Приступив к заведованию, в первые же месяцы Николай Данилович провел несколько семинаров для сотрудников отдела, после чего все вместе принялись за работу. Сначала сделали инвентаризацию и паспортизацию существующих сортов. Затем требовалось пополнить коллекцию, для чего были подготовлены письма в различные питомники и ботанические сады. После инвентаризации по 400 наиболее ценным сортам начали проводить фенологические наблюдения и оценивали их декоративные качества с фиксацией в журналах. Всего к концу 1939 г. было инвентаризовано 963 сорта, из них 353 сорта, интродуцированных путем обмена с различными организациями из всех уголков СССР. Одновременно все силы были брошены на заготовку черенков из имеющегося ассортимента роз для передачи организациям в целях озеленения. Так, зимой 1938/1939 г. было заготовлено и отпущено озеленительным организациям 4000 черенков роз. В Никитском саду был заложен новый розарий (20 000 черенков, включая подвой).

В том же 1938 г. Костецкий размышляет о перспективах гибридизации роз. Он тщательно изучает опыт отечественной селекции в других ботанических садах СССР, штудирует архив Никитского сада, разыскивает материалы, имеющие отношение к селекции роз. Проанализировав ситуацию, Николай Данилович делает вывод, что нужна не просто селекция, а направленная селекция, с заранее заданными свойствами, приемлемыми для крымских условий. Новые розы должны обладать устойчивостью к засухе и щелочным почвам, невосприимчивостью к болезням, а также ремонтантностью, обилием и длительностью цветения. Чтобы получить эти качества, по мнению ученого, при выборе родительских пар требовалось подбирать такие сорта, чтобы их родство было как можно более отдаленным — либо из разных групп, либо из разных видов. Основная же работа по скрещиванию, начатая Костецким, пришлось на 1939–1941 гг. Размах ее поразителен. Только за 1939 г. было отобрано для гибридизации 164 сорта, произведено 278 комбинаций скрещиваний как межсортовых, так и межгрупповых, и межвидовых. В экспериментах были задействованы практически все группы и виды роз. Всего же за три года было проведено 1195 комбинаций скрещиваний; получено и высажено 710 гибридных семян.

Поражает многогранность и необыкновенная работоспособность Николая Даниловича. Днем он работает в саду, проводит семинары, дает консультации, наблюдает за ходом работ по арборетуму и в теплицах, ночами сидит над отчетами и архивами или изучает литературу, а то и сам пишет. Рассылает письма в организации и частным лицам. Помимо перечисленного, успевает ездить по южнобережным паркам и питомникам, читать лекции в учебных заведениях. А ведь Костецкому в 1938 г. исполнилось 65 лет!

Важнейшим достижением Н. Д. Костецкого в этот период было издание «Каталога роз и правил посадки и ухода за

ними», опубликованного в 1941 г., за два месяца до начала войны. За два года была проведена титаническая работа. В книге не только перечислены все паспортизированные сорта роз Никитского сада на июнь 1940 г., но и приведена характеристика каждого сорта.

Из отчетов отдела декоративного садоводства следует, что опыты по гибридизации начались не только с розами. Впервые, под руководством Костецкого, начаты работы по выведению новых «советских форм и сортов» древесных декоративных растений, в том числе по таким видам как калина, жимолость, дейция, сделаны первые скрещивания гвоздик и дельфиниумов. В 1939–1940 гг. «сверх плана» была проведена работа по межсортовому и межвидовому скрещиванию сиреней; получено 137 гибридных семян от 7 комбинаций, правда, первое цветение наступило лишь в 1946 г. Для создания новых сортов хризантем в эти годы также проводились массовые посеы и скрещивания, что впоследствии позволило выделить каскадные формы.

В период оккупации Николай Данилович оставался в Ботаническом саду, что позволило сохранить большую часть коллекций и селекционного материала. По окончании войны Н. Д. Костецким была проведена инвентаризация остатков коллекции роз (результаты опубликованы в Трудах ГНБС, том XXII, выпуски 3 и 4, 1948), привлечены все возможные источники для ее восстановления. Вместе с тем продолжалась работа по селекции новых роз на основе сохранившихся сортов. Уже в 1945 г. из 215 гибридов выделено 22 перспективных формы, а в 1946 получено 50 удачных комбинаций.

В 1947 г., за год до своей кончины, Костецкий подготовил рукопись «Разведение роз в Крыму» и сдал ее в печать. Брошюра издана лишь в 1951 г. и сохранилась в единичных экземплярах. Называется она «Разведение роз на юге СССР». В ней описан 21 сорт роз селекции Никитского ботанического сада. Всего за период работы Николая Даниловича в Никитском саду было получено более 30 новых сортов роз, подходящих для Крымских почв и воды. В одном из отчетов 1947 г. он, говоря о розах, указывает, что «в итоге селекционной работы выделено 10 ценных сортов и 15 кандидатов в сорта для юга СССР. Все они находятся в процессе размножения для передачи в производственное испытание».

В апреле 1947 г., в возрасте 74 лет, Н. Д. Костецкому была присвоена ученая степень кандидата биологических наук без защиты диссертации. Научные основы селекции роз, заложенные им, дали возможность Никитскому саду стать лидером в розоводстве страны в 1960–1980-х гг.

Николай Данилович Костецкий тихо умер в октябре 1948 г. в своем неустроенном домике на территории Никитского сада в возрасте 75-ти лет. Похоронили его без помпы, по-семейному, в пос. Никита.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Н. Д. КОСТЕЦКОГО

Огородничество в Нежинском уезде / Н. Д. Костецкий. Нежин: Носовская с.-х. опыт. ст. 1921.

Плодоводство в Нежинском уезде / Н. Д. Костецкий. Нежин: Носовская с.-х. опыт. ст. 1921.

Что показали опыты Харьковской с.-х. опытной станции / Н. Д. Костецкий. М., 1923.

Задачи опытного дела в Абхазии: (тез. докл.) / Н. Д. Костецкий // Тр. Абхаз. с.-х. совещ. Сухум, 1927.

Перспективы декоративного садоводства и цветоводства в Абхазии: (тез. докл.) / Н. Д. Костецкий // Там же.

Рами и перспектива ее культуры в западном Закавказье / Н. Д. Костецкий // Субтропики. 1929. № 5/6. С. 9–22.

Рами и перспектива ее культуры в западном Закавказье / Н. Д. Костецкий // Кендырь-Рами. М., 1930. № 2. С. 66–77.

Использование стран-аналогов для зеленого строительства Азербайджана / Н. Д. Костецкий // Тр. Азербайдж. отд. Закавказ. фил. АН СССР. Баку, 1934. Т. 4. С. 3–25.

Проблема сухих субтропиков / Н. Д. Костецкий // Сов. субтропики. 1934. № 1. С. 30–44.

Основные задачи сухих субтропиков / Н. Д. Костецкий // Там же. 1935. № 5.

Сухие субтропики Средней Азии на повороте / Н. Д. Костецкий // Там же. 1937. № 8. С. 9–25.

Итоги работ Никитского ботанического сада с древесными растениями / Н. Д. Костецкий // Краткие итоги работ Никитского ботан. сада им. Молотова (1812–1938). Ялта, 1938.

Краткие итоги работ Никитского ботанического сада им. Молотова (1812–1938 гг.) / А. А. Рихтер, И. Н. Рябов, В. И. Нилов, П. А. Нестеренко, Н. Д. Костецкий, Н. Ф. Соколова, Н. М. Чернова, Е. И. Пух ; под ред. Г. В. Вербенко ; Гос. Никитский ботан. сад им. Молотова. Ялта, 1938. 87 с.

Каталог роз и правила посадки и ухода за ними / Н. Д. Костецкий. Симферополь: Никитский ботан. сад им. Молотова, 1941. 80 с.

Разведение роз на юге СССР / Н. Д. Костецкий. Симферополь: Крымиздат, 1951. 56 с.

ИСТОЧНИКИ

Личное дело Костецкого Н. Д. // Архив ВИР. Оп. 1. Д. 583. 13 л.

Арбатская, Ю. Николай Костецкий. Шипы и розы / Ю. Арбатская, К. Вихляев. Симферополь: Н.Орианда, 2012. 136 с.

Костецкий Николай Данилович // Русские ботаники: биографо-библиографический словарь / сост. С. Ю. Липшиц ; отв. ред. В. Н. Сукачев ; Моск. о-во испытателей природы, Ботан. ин-т им. акад. В. Л. Комарова. М.: МОИП, 1952. Т. 4. С. 392.

М. В. Васильева

